

В.А. Саблин

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.: ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемы хозяйственного развития крестьянского двора на Европейском Севере России во второй половине 1920-х гг. Анализируются изменения параметров семейного производства и доходности крестьянского двора, баланс рабочего времени, показана производительность труда семейного производства и уровень благосостояния крестьянской семьи. Выявлены закономерности эволюции двора в зависимости от размера посева, обеспеченности рабочими руками, средствами производства, структуры доходной части бюджета, овеществления капитала. На этой основе предпринята попытка рассмотреть эволюцию основных производственных типов крестьянских хозяйств.

Ключевые слова: НЭП; крестьянское хозяйство; землеобеспечение; доходность; эффективность производства; капитал двора; фондовооруженность труда; эволюция производственных типов дворов.

Известно, что основу экономики страны в 1920-е гг. составляло сельское хозяйство парцеллярных крестьянских дворов. В статье ставится цель выявить основные направления эволюции крестьянского производства и основные типы крестьянских хозяйств на Европейском Севере страны (Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии, Карельская и Коми автономные республики), опираясь на данные бюджетной статистики.

Под воздействием чрезвычайных обстоятельств 1914–1921 гг. многоотраслевая структура крестьянского хозяйства на Европейском Севере страны, как и по России в целом, подверглась деформации. Падение промыслового дохода в бюджете двора приводило к повсеместному укреплению потребительско-натуральных основ хозяйства, к архаизации аграрных отношений.

С середины 1920-х гг. восстановительные процессы в аграрном производстве сопровождались оживлением промышленной жизни Европейского Севера, связанной, прежде всего, с концессионной и государственной системой лесозаготовок. Создаются предпосылки для приложения крестьянского труда и получения промыслового дохода. Одновременно нарастают тенденции коммерциализации сельскохозяйственной сферы. К середине 1920-х гг. повсеместно наблюдался процесс эрозии потребительско-натуральных основ хозяйства и создания условий для изменения производственных факторов двора и формирования его дохода, соотношения основных элементов хозяйства с капиталом и фондовооруженностью труда и эффективностью материальных вложений в основное производство.

В контексте этих изменений на разных уровнях была предпринята попытка обозначить районы сельскохозяйственной специализации, связанные с общим планом экономического районирования страны и созданием на Европейском Севере России обширной Северо-Восточной области в составе Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и АО Коми. Известный ученый Н.К. Недокучаев, выделяя полевые районы Севера, в качестве критерия использовал соотношение паровых и яровых угодий и охарактеризовал специфику крестьянского хозяйства неземледельческой зоны, района лесопольной системы полеводства с преобладанием яровых посевов,

района паровой зерновой системы с примерно равными пропорциями пара, озимых и яровых площадей [1. С. 35–40].

В Архангельской губернии в основу районирования были положены следующие критерии: процентное соотношение главнейших полевых культур, количество населения на 1 десятину пашни, количество пашни в среднем на крестьянское хозяйство и на 1 рабочую лошадь, количество сенокоса на 1 хозяйство и по отношению к пашне, размеры скотоводства и интенсивность удобрения.

Такого рода комплексный подход дал основание выделить в губернии 24 сельскохозяйственных района [2. С. 30–33]. В Карелии за основу сельскохозяйственной специализации были взяты критерии размера посева, характер животноводства, промысловые занятия и технология обработки почвы. Выделялись 4 сельскохозяйственных района: малосеющий, рыбопромысловый, район с малоподсечным двупольем, район среднеподсечного трехполя с молочным животноводством, район многоподсечного трехполя с интенсивным мясомолочным скотовыращиванием [3]. В более сжатом виде такой измеритель выявлял три района производственной специализации крестьянского двора: северный – малонаселенный, сильнопромысловый, малосеющий, ячменно-ржаной, малоподсечный, малокоровный, малолошадный, оленеводческий; средний район – средненаселенный, среднесеющий, ржано-овсяный, среднеподсечный, среднелошадный, среднекоровный, молочно-мясной; южный район – плотнонаселенный, многосеющий, многоподсечный, овсяно-ржаной, многолошадный, среднекоровный, молочно-мясной [4].

В 1924–1926 гг. были продолжены работы по формированию Северо-Восточной области. Был сформирован ряд областных учреждений. Но реализовать идею не удалось по той причине, что Центр явно охладел к ней, отчасти из-за несогласия АО Коми о вхождении в состав области. По этой причине административной комиссией при Северо-Двинском губисполкоме был составлен проект экономического районирования губернии на случай невозможности организации области в ближайшее время. 10 апреля 1924 г. Декретом ВЦИК от 10 апреля 1924 г. «Об административном делении Северо-Двинской губернии» она была разделена на 18 районов. Уездный и

волостной аппарат упраздняясь. Началась работа по воплощению в жизнь экономического районирования. Это был масштабный эксперимент, результаты которого, наряду с Уральской областью, серьезно анализировались на союзном уровне. В губернии были образованы 209 сельских советов (обществ) и 18 районов. В основу районирования был положен критерий хозяйственной специализации и особенностей формирования бюджета района [5. С. 25–27].

Приведенные примеры экономического районирования Севера в основе своей опирались еще на дореволюционный опыт классификации крестьянского производства и носили формализованный характер и только отчасти позволяли судить о структуре производства крестьянского хозяйства, хотя еще в 1902 г. А.Ф. Фортунатовым была высказана идея экономической классификации крестьянских дворов по их отношению к рынку, основанная на их производственных характеристиках [6. С. 82].

Возможность выявить производственные типы дворов, положив в основу выделения структуру дохода, позволяет бюджетная статистика. Так, своеобразие формирования чистой выручки крестьянского двора, нашедшее отражение в крестьянских бюджетах Архангельской и Северо-Двинской губерний за 1924/25 г., дает представление о двух разных путях эволюции организационных основ крестьянского двора.

Размер дохода в среднем на двор в Архангельской губернии оказался выше, чем в Северо-Двинской губернии, примерно в 1,5 раза, главным образом за счет значительного удельного веса промыслов. Что касается дохода от сельского хозяйства, то при примерно равных объемах его удельный вес в доходе северодвинского крестьянина был неизмеримо выше (61,64% против 45,51%). В то же время производительность одной десятины земли в Шенкурском уезде отличалась повышенными показателями – при значительно меньшем размере землепользования архангельский крестьянин получал в 2,1 раза больший сельскохозяйственный доход. Главным фактором расхождения в подесятинном доходе служила разница в производительности крестьянского труда двух губерний. В то же время совокупный размер сельскохозяйственного дохода на 1 рабочую силу в Архангельской губернии оказывался ниже, чем в Северо-Двинской.

Доход от промыслов составлял от чистой выручки крестьянского двора 39,51% в Архангельской и 17,07% в Северо-Двинской губернии. Удельный вес их в доходе двора, по сравнению с началом 1920-х гг., повысился в Архангельской и снизился в Северо-Двинской губернии. Оплата одной рабочей силы на промыслах в 1924/25 г. приносила архангельскому крестьянину 60,99 руб. чистого дохода, северодвинскому – лишь 21,57 руб. Все эти факторы предопределили более высокий доход крестьянского хозяйства Архангельской губернии в расчете на 1 работника и в среднем на каждого члена семьи [7. С. 48–49; 8. С. 184–186].

С другой стороны, на характер типологических различий дворов существенное влияние оказывали особенности сочетания основных элементов, определявших производственный процесс в хозяйстве.

В среднем по двум губерниям в 1924/25 г. размер и состав крестьянской семьи несколько сократился, отражая, в принципе, выявленную в исторической демографии закономерность уменьшения людности крестьянского двора в 1920-е гг. Площади под посевом, равно как и размер землепользования в целом, изменились крайне незначительно. Достаточно отчетливо проявлялась закономерность укрупнения всех элементов двора по мере возрастания посевных групп. Размер посева в Архангельской губернии в нижней посевной группе был в 3,0 раза, а в Северо-Двинской – в 3,7 раза меньше, чем в высшей, размер землепользования – меньше в 2,5 раза.

Размер семьи увеличивался по мере роста посевных групп, но при этом сама площадь посева в расчете на душу населения, как мы увидим ниже, оказывалась более значительной в высших типах дворов. Капиталы семьи, в том числе стоимость скота, возрастали по мере укрупнения посевных групп, но примерно в 1,5–1,6 раза медленнее, чем темпы расширения землепользования [7. С. 46–47; 8. С. 184–186].

Для того чтобы выяснить характер взаимосвязи основных элементов двора, рассмотрим соотношение рабочей силы и капиталов с размером землепользования.

Посевная площадь в расчете на 1 работника в Архангельской губернии увеличивалась от низших групп дворов к высшим в 2,5 раза, в расчете на члена семьи – в 2,3 раза, в Северо-Двинской – в 2,0 и 2,1 раза. Соотношение числа едоков и работников в семье в той и другой губернии было примерно одинаковым. В хозяйствах высших посевных групп проявлялась тенденция к возрастанию числа членов семьи по отношению к работникам. При этом следует подчеркнуть, что рост землепользования, равно как и размеры пашни и сенокоса в хозяйстве, был тесно связаны с увеличением числа работников в семье. Фондовооруженность труда (обеспечение капиталами одной рабочей силы) также увеличивалась по мере возрастания посева в хозяйстве. В то же время размер капитала, приходящегося на 1 дес. пашни и луга, сокращался в обратной пропорции: от низших посевных групп дворов к высшим.

Размер материальных расходов в среднем на двор по мере роста зажиточности хозяйств последовательно увеличивался, в то же время его рост в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади в Архангельской губернии обнаруживал обратную направленность. В Северо-Двинской губернии материальные издержки на 1 дес. сельскохозяйственной площади были значительно ниже издержек крестьянских дворов Архангельской губернии, но при этом были примерно равными во всех типах дворов и не превышали 31,0 руб. В целом мелкие дворы вкладывали в 1 дес. земли больше средств, рассчитывая тем самым поправить свой недостаток за счет получения более высокого дохода.

Объем материальных средств в расчете на 1 рабочую силу семьи был также значительно выше в крупнопосевных хозяйствах [Там же].

Результаты хозяйственной деятельности крестьянской семьи были напрямую связаны с теми изменениями, которые имели место в распределении капита-

лов. В этой связи особенно показательной выглядит взаимосвязь материальных затрат с конечным результатом производственного процесса.

Размеры валовой продукции крестьянского двора последовательно увеличивались по мере роста посевных групп, но продуктивность 1 дес. сельскохозяйственной площади оказалась различной. Так, если в Архангельской губернии крупные дворы, вкладывая меньше средств в 1 дес. площади, соответственно получали меньший результат, то в Северо-Двинской губернии все выглядело иначе. Эффективность материальных вложений в 1 дес. площади (при одинаковых во всех типах дворов издержках), тем не менее, оказывалась выше в крупных хозяйствах. Возможно, данное соотношение сложилось под воздействием случайных обстоятельств бюджетного года, но, тем не менее, мы вправе вести речь в данном случае об экономических преимуществах крупных дворов. Что касается оплаты труда, то доля валовой продукции, приходившейся на 1 единицу рабочей силы пропорционально вложенным капиталам, последовательно повышалась от низших групп к высшим.

Сопоставив размер материальных вложений с объемом валовой продукции, можно получить реальное представление об эффективности сельскохозяйственного производства крестьянского двора в середине 1920-х гг. Общий объем материальных затрат по отношению к совокупному объему валовой продукции в среднем на хозяйство составлял в Архангельской губернии 53,4%, в Северо-Двинской – 51,6%.

В разрезе посевных групп картина представлялась иной. Так, в самых мелких по размеру посева дворах каждый вложенный в сельскохозяйственное производство рубль давал 1,7–1,9 руб. прибыли, в крупных – 2,0 и более рублей. Материальные затраты в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади составляли от валовой продукции в среднем: в Архангельской губернии – 53,4% (колебания между малопосевными и крупными дворами 58,5 и 49,1%), в Северо-Двинской губернии – 51,6% (колебания – 51,5–49,5%). Результативность материальных вложений в расчете на 1 рабочую силу составляла примерно те же показатели в 53,4 и 51,6% от валовой продукции [7. С. 46–47; 8. С. 184–186].

Отмеченный выше рост издержек производства служил доказательством тому, что восстановление валовых показателей сельскохозяйственного производства в крестьянском хозяйстве не сопровождалось в массе своей его интенсификацией.

С другой стороны, показатели крестьянских бюджетов 1924/25 г. демонстрировали процесс увеличения материального достатка крестьянских хозяйств, одновременно свидетельствовали о различиях в уровне их доходности. Конъюнктура народнохозяйственного развития региона приводила к тому, что в северных районах края сельскохозяйственный доход в более крупных размерах, чем это было ранее, начинает вытесняться высокооплачиваемыми статьями промышленного дохода. Сельское хозяйство в этих районах все более становится подсобной отраслью, обеспечивающей лишь потребительский бюджет семьи. Не случайно именно в этот период всерьез заго-

ворили о кризисе сельского хозяйства в Архангельской губернии. По существу, крестьянское хозяйство, в особенности юга Архангельской губернии, являлось переходным от преимущественно сельскохозяйственного (аграрно-промышленного) типа к промышленно-аграрному типу организации производства.

Вполне естественно, что в зависимости от сочетаемости элементов производства промышленно-аграрный тип крестьянского хозяйства имел множество модификаций. Бюджетные описания, составленные в Архангельской губернии в 1925/26 и 1926/27 гг., дают возможность выделить несколько таких моделей [9. С. 61–65; 10. С. 76–72];

1. Модель развитого полеводческого хозяйства с разнообразными неземледельческими заработками представляли в 1925/26–1926/27 гг. хозяйства Шенкурского уезда.

2. Модель пригородного хозяйства с развитым сбытом продуктов рыболовства и заработками на лесопильных заводах Архангельска (в 1925/26 г. это хозяйства Вознесенской волости, в 1926/27 г. – Подгородней волости Архангельского уезда).

3. Модель приморского поморского хозяйства с развитым рыбным и зверобойно-морским промыслом (в 1926/27 г. – крестьянские хозяйства Зимне-Золотицкой волости Архангельского уезда).

4. Модель промышленного лесозаготовительного двора с развитым земледелием (в 1925/26 г. – хозяйства Карпогорской волости Архангельского уезда).

5. Модель скотоводческого двора с промышленным рыболовством (в 1925/26 г. – Мезенская и Дорогорская волости Мезенского уезда).

6. Модель молочно-животноводческого двора с промышленным доходом (в 1926/27 г. – хозяйства Холмогорской волости Архангельского уезда).

Судя по сочетаемости основных элементов крестьянских хозяйств данных моделей, достаточно заметно проявляла себя общая тенденция сокращения людности двора. Тем не менее можно отметить, что по числу населения на хозяйство самыми малолюдными были молочно-животноводческие дворы Холмогорской волости и лесопромышленные хозяйства Карпогорской волости. Наиболее населенными были хозяйства пригородной, полеводческой и скотоводческой моделей.

Число работников в составе семьи в среднем не превышало 3 человек. Соотношение едоков и работников в семье было выше, чем в начале 1920-х гг., и в среднем на работника приходилось 1,9 душ семьи (исключением из общего ряда являлись хозяйства Зимне-Золотицкой волости, в которых эта пропорция была ниже – 1,6).

Наибольшим запасом рабочей силы обладали скотоводческие хозяйства Мезенского уезда, а также молочно-животноводческие и пригородные дворы. Эти же модели дворов располагали большей сельскохозяйственной площадью (главным образом сенокосами), но при этом именно они имели наименьшую посевную площадь в среднем на двор [9. С. 186–190; 10. С. 242–244]. Добавим, что в полеводческом «шенкурском» хозяйстве за оба года прослеживалась определенная зависимость между размером посева и числом

едоков в семье, но в других моделях хозяйств она абсолютно не проявлялась.

Что касается основных средств, то наибольшим их запасом обладали хозяйства, отнесенные к пригородной производственной модели. Стоимость скота, естественно, была выше в хозяйствах пятой и шестой моделей.

В соответствии с избранной схемой анализа рассмотрим соотношение размеров землепользования, сельскохозяйственных площадей и капиталов в хозяйствах разных организационно-производственных моделей.

В 1925/26 г., равно как и в 1926/27 г., посевная площадь в расчете на одного работника увеличивалась от чисто промысловых дворов к полеводческим и скотоводческим. Так, соотношение между размером посева падавшего на 1 работника, в Вознесенской волости (хозяйство 2-й модели) и Шенкурском уезде (хозяйство 1-й модели) составляло в 1925/26 г. разницу в 0,28 дес. (меньше в 2,9 раза), в 1926/27 г. – в 0,40 га (меньше в 3,9 раза), в площади посева на едока – соответственно в 2,9 и 4,0 раза. Темпы этого сокращения происходили параллельно темпам сокращения размера посева в хозяйстве. Зная, что число едоков по отношению к работникам во всех дворах было одинаковым, не трудно придти к выводу о нарушении в сугубо промысловых хозяйствах зависимости между составом семьи и размером посева.

Землеобеспечение хозяйства было в большей степени связано с числом работников в семье. Учитывая особенности землепользования, большой удельный вес сенокосных расчисток в хозяйствах Архангельской губернии, на разработку которых требовалось значительное приложение физического труда, очевидно, что по мере насыщения хозяйства рабочей силой земельный надел в его пользовании увеличивался. Поэтому в промысловых дворах земельный надел оказывался выше, чем в земледельческих, но главным элементом надела промысловых хозяйств являлись луговые угодья и расчистки. Исключение составляли дворы Зимне-Золотицкой волости, располагавшейся в крайней приморской зоне.

Распределение капитала в расчете на 1 рабочую силу также подчинялось определенной зависимости. Промысловый север Архангельской губернии был богаче земледельческого юга, поэтому в крупных хозяйствах 1-й модели на рабочую силу семьи приходилась большая сумма средств. По мере возрастания размера капитала на 1 рабочую силу получалась следующая последовательность в расположении моделей дворов: в 1925/26 г. – 2-я модель, 4-я модель, 5-я модель, 1-я модель; в 1926/27 г. – 2-я модель, 6-я модель, 3-я модель, 1-я модель. Фондовооруженность труда хозяйства первой модели превышала соответствующий уровень хозяйств второй модели в 1,7 раза.

Соотношение между производственными фондами и землей (на 1 единицу сельскохозяйственной площади) менялось в той же последовательности. При общей скудности размеров земельных угодий на Севере во всех группах дворов размер оборотного капитала был достаточным. Стоимость капитала, заключенного в скоте, на единицу площади была, напротив, выше во

дворах пятой и шестой модели, что находило объяснение в их животноводческой специализации [9. С. 186–190; 10. С. 242–244].

Для того чтобы уяснить характер хозяйственного процесса во дворах различных моделей, обратимся к основным факторам производства и, в первую очередь, рассмотрим результативность сельскохозяйственной отрасли за 1925–1927 гг. Особое внимание следует уделить составу материальных затрат в сельскохозяйственном производстве, которые включали в себя следующие расходы: стоимость семян, навоза, топление овинов, затраты на корм и подстилку скоту, плату пастухам, кузнецам за ковку лошадей и др. Какой-либо закономерности в материальных тратах на сельское хозяйство во дворах различных моделей усмотреть сложно. В 1925/26 г. наибольшие материальные расходы несли дворы Вознесенской пригородной волости, наименьшие – хозяйства Карпогорской волости. В 1926/27 г. по сумме затрат в сельском хозяйстве на первое место выдвигались молочно-животноводческие хозяйства, на втором месте были дворы Пригородной (промысловой) волости.

В расчете на 1 единицу сельскохозяйственной площади в 1925/26 г. выделялись большим объемом расходов хозяйства второй и пятой моделей, наименьшими – хозяйства четвертой модели. Большую последовательность расходов на единицу земельной площади представляли показатели 1926/27 г. Промысловые (за исключением Пригородной волости) и полеводческо-животноводческие дворы имели приблизительно одинаковый уровень материальных расходов.

Высокие во всех случаях материальные расходы на сельское хозяйство промысловых дворов находили объяснение в природно-климатических условиях их производства, более высоком уровне обеспеченности и характере самого производства.

Сумма материальных затрат в расчете на 1 рабочую силу семьи имела ту же тенденцию к увеличению по мере усиления общей экономической мощи двора.

Эффективность сельскохозяйственного производства выражалась в общих объемах валовой сельскохозяйственной продукции в расчете на хозяйство, на единицу сельскохозяйственной площади и на 1 рабочую силу. По показателям продуктивности отрасли в расчете на хозяйство в 1925/26–1926/27 гг. выделялись животноводческие дворы Мезенского уезда и Холмогорской волости. Наименьшими – хозяйства четвертой модели (Карпогорская волость). Объем валовой продукции в отношении единицы сельскохозяйственной площади обнаруживал значительное понижение в полеводческой (1925/26 г.) и пригородной (1926/27 г.) моделях дворов. В расчете валовой продукции на единицу рабочей силы лучшими показателями отличались хозяйства второй и шестой моделей [9. С. 186–190; 10. С. 242–244].

Как видим, организационные возможности хозяйств в сельскохозяйственном производстве отличались чрезвычайным разнообразием, что, собственно, и определяло типовой признак дворов, проявляя, однако, безусловную зависимость конечного результата от

экономической мощи двора и размера материальных затрат.

В целях выяснения рентабельности сельскохозяйственного производства охарактеризуем размеры материальных затрат по отдельным производственным отраслям в процентном отношении к валовой продукции.

Сельскохозяйственное производство двора Архангельской губернии по показателям удельного веса затрат в составе валовой продукции было весьма капиталоемким. В 1925/26 г. в составе валовой продукции затраты составляли в среднем 62,3%, в 1926/27 г. несколько меньше – 57,5%. Во всех хозяйствах наименее затратными отраслями являлись огородничество, луговое хозяйство и птицеводство. Конечный продукт полеводства за разные годы включал в себя от 38,9 до 51,6% материальных затрат. В Зимне-Золотицкой волости, отличавшейся лучшими показателями производительности полеводства, эффект был достигнут за счет преобладания в составе полевых культур картофеля, при выращивании не требовавшего значительных материальных усилий [10. С. 80].

Наименее производительной отраслью хозяйства являлось животноводство. В составе валовой продукции животноводства материальные издержки составляли в 1926/27 г. от 77,4 до 89%. В 1925/26 г. во всех моделях хозяйств издержки производства в животноводческой отрасли превышали объемы конечной продукции. Только на Мезени скотоводство оказывалось более или менее производительным. В любом случае компенсировать неэффективность скотоводческой отрасли крестьянин мог за счет пониженной капиталоемкости других отраслей [9. С. 186–190; 10. С. 79].

Постепенное возрождение и углубление процесса специализации хозяйств в 1920-е гг. коснулось не только промыслово-земледельческой зоны Европейского Севера, но также и преимущественно сельскохозяйственных районов Вологодской и Северодвинской губерний. Наряду с полеводческими, скотоводческими и молочно-животноводческими хозяйствами вполне обоснованно выделяется особая модель дворов с молочно-товарным хозяйством (преимущественно Вологодский и Грязовецкий уезды Вологодской губернии). Доминирующим признаком данных дворов являлось число коров в хозяйстве. По выражению И.Н. Бакулина, на исследования которого автор опирается в своем анализе, в указанном районе «молочная корова, вполне это осознанно или нет, является организующим центром крестьянского хозяйства» [11. С. 21].

С целью углубленного анализа элементов внутреннего строя крестьянского производства молочной модели будет вполне логичным сгруппировать хозяйства по обеспеченности их коровами. Можно выделить четыре группы хозяйств: 1) бескоровные; 2) однокоровные; 3) двухкоровные; 4) трех- и более коровные [Там же. С. 20–40, 51].

В молочном районе средняя крестьянская семья состояла из 4,78 душ при 2,73 работниках, обрабатывала 4,7 дес. пашни и сенокоса, располагала 671,4 руб. капитала. Первые две группы дворов имели меньше населения и соответственно работников, отличались пониженными характеристиками остальных парамет-

ров. Например, разница в стоимости капиталов двора четвертой и первой группы составляла 80,5% (в том числе капитала, заключенного в скоте, – в 28 раз). Размер посева в бескоровных дворах был в 4 раза ниже, чем в 4-й группе. Чрезвычайно важный для молочного хозяйства показатель покоса на 1 дес. пашни в первой группе был в 2 раза меньше, чем во 2-й и 4-й.

Тем не менее в хозяйствах молочной модели, как и во всех других моделях, проанализированных выше, изменение факторов производства по мере роста мощности двора не проявляло линейной прогрессии, что могло свидетельствовать лишь о том, что с увеличением размера хозяйства менялись и модифицировались организационные формы хозяйства, что в конечном итоге приводило к качественным изменениям его внутренней природы.

Соотношение рабочей силы, земли и оборотных средств в хозяйствах разной мощности в принципе соответствовало выявленной закономерности [11. С. 20–40, 51, 52].

Нагрузка рабочей единицы в маломощных дворах 1-й группы была в несколько раз меньше, чем в 4-й группе (по посеву в 2,7 раза, по размеру пашни в 2,1 раза, покоса в 3,7 раза, по объему основных средств в 4,7 раза). Однако возрастание размера посева на 1 рабочую силу происходило медленнее, чем ее увеличение на хозяйство, что косвенно подтверждало существовавшую зависимость размера посева от людности двора и числа рабочих рук. Учитывая, что в среднем соотношение едоков и работников в семье (1,75) фактически не превышало общих показателей по региону, присущих первой половине 1920-х гг. (1,71), в то время как в хозяйствах 3-й и 4-й групп данный показатель был значительно выше, можно констатировать тот факт, что крестьянская семья увеличивала свои посевы и в абсолютных, и в относительных цифрах вне связи с числом нетрудоспособных членов.

В данном контексте уже нельзя вести речь о строгой зависимости размера землепользования от размера семьи. При переходе от низших групп дворов к высшим людность двора возрастала в 1,9 раза, число работников – в 1,5 раза. Земельная площадь хозяйства увеличивалась в больших размерах – в 3,7 раза (на едока – в 2,0 раза, на работника – в 2,5). Имевший место в начале 1920-х гг. уравнильный принцип землепользования (по числу едоков) во второй половине 1920-х гг. не находил проявления в молочном районе Вологодской губернии. Площадь землепользования в хозяйстве больше была связана с числом рабочих рук в семье.

Система полеводства у разных групп дворов также существенно различалась. Первая и вторая группы имели трехпольную систему, полеводство третьей и четвертой групп базировалось на шестиполье. Дворы первой группы имели неоправданно большой размер запущенной пашни, в том числе под паром – 54,0%, несмотря на то что 15,0% числившейся у них пашни было сдано в аренду.

Что касается обеспечения хозяйств капиталом, вполне очевидно, что его увеличение происходило по мере возрастания мощи дворов. Разница в размерах

оборотных средств полярных групп хозяйств была весьма значительна (в 8 раз на хозяйство, в 5,6 раза, на 1 рабочую силу). По своему составу капитал первых двух групп был качественно ниже: большая его часть находилась в постройках; в высших группах, наоборот, – в скоте как наиболее важной части капитала в условиях молочного района. Соотношение между производственными фондами и землей в расчете на 1 единицу пашни выражало ту же тенденцию. В высших группах дворов при большем количестве пашни на 1 работника обеспеченность капиталом работника против 1-й группы была больше в 5 раз. В этих соотношениях заключалось громадное экономическое преимущество высших групп.

Переходя к анализу эффективности использования основных элементов двора для производства конечного продукта, сопоставим уровень материальных издержек в хозяйстве с конечной валовой продукцией в каждом типе дворов. Для этой цели исключим из анализа хозяйства первой группы и введем дополнительно еще одну группу 4а, вычленив ее из четвертой по признаку наибольшей продуктивности коров во всем регионе.

Затраты на корм скоту, составлявшие основную долю материальных расходов в молочном регионе, последовательно повышались по мере роста мощности хозяйства. Во второй группе они были наименьшими, равно как и расходы на 1 пуд молока. Разница в уровне расходов 2-й и 4а групп в расчете на хозяйство составляла 165,5 руб. Во второй группе был наименьшим и расход средств на производство 1 пуда молока (0,5 руб.).

Каков был хозяйственный результат этих вложений? При росте затрат на 1 хозяйство от 2-й группы к 4а группе в 3,4 раза валовая продукция увеличилась в 3,5 раза, расходы на 1 пуд молока – в 1,1 раза, доход – также в 1,1 раза. Материальные расходы в составе валовой продукции в хозяйствах 2-й группы по расчетам на двор равнялись 41,2%, в 3-й – 47,1%, в 4-й – 44,9%, в 4а – 44,3%.

Внешне хозяйства 2-й группы, казалось, находились в более выгодном положении, но если учесть относительные величины расходов и валового продукта на 1 дес. пашни и на 1 рабочую силу хозяйств разных групп, не сложно увидеть всю суть органических преимуществ крупных дворов. По линии производительности труда 1 рабочей единицы группа 4а имела превышение почти в три раза по сравнению со второй группой и в два раза – по сравнению с третьей группой. На 1 дес. пашни в хозяйствах 2-й группы производилось молока на сумму в 56,0 руб., в группе 4а – 116,6 руб. (больше в 2,1 раза) [11. С. 40].

Таким образом, хозяйства повышенного типа демонстрировали свои весьма высокие организационные возможности. Преимущества крупного молочного двора довольно зримо проявлялись в размерах условно чистого дохода и способах его получения.

Размер чистой продукции в среднем на хозяйство в 4-й группе в 2,9 раза превышал показатель 2-й группы, в 1,7 раза по расчету условно чистого дохода на 1 дес. пашни, в 2,4 раза – на 1 единицу рабочей силы.

Размер выручки от проданного молока (за вычетом материальных издержек на кормление коров) определял разницу в организации доходности хозяйств. Если

условно чистый доход, полученный в хозяйстве на 1 корову, был самым высоким во второй группе (85,09 руб.), то доход от продажи молока за вычетом корма был заметно выше в 4-й группе (по сравнению со 2-й – на 2,96 руб.). Четвертая группа, учитывавшая рыночные цены, выручала за пуд молока на 8 коп. больше и имела наибольший доход на корову. Третья группа, выручавшая высшую цену за проданное молоко (1,29 руб. за пуд), тем не менее, оказывалась в весьма невыгодном положении по доходности на корову (63,73 руб.), что являлось, главным образом, результатом нерационального кормления скота: стоимость корма на 1 пуд молока была в этой группе наивысшей – 0,61 руб. [11. С. 40–41].

Дополнительным аргументом в пользу целесообразности выделения организационных типов и моделей крестьянского хозяйства могут послужить сведения о размерах основных и оборотных средств. Известно, что структура капитала формировалась под воздействием экономической мощности хозяйства и общеэкономических условий его производства. С учетом этого и постараемся выяснить те особенные свойства состава капитала, которые отличали выявленные модели хозяйств в 1922–1927 гг. [8. С. 184–186; 9. С. 186; 10. С. 242, 11. С. 51; 12. С. 108–109; 13. С. 7; 14. С. 387; 15. С. 84; 16. С. 490].

Вполне очевидной была связь между объемом накоплений и размером хозяйства. Вслед за постройками, представлявшими основу капитала во всех моделях дворов, в сельскохозяйственных хозяйствах второе место по стоимости занимали скот, различные запасы, затем инвентарь; в промысловых моделях хозяйств в втором по значимости месте находились промысловый инвентарь и скот, на третьем – запасы. Стоимость промыслового снаряжения и иного инвентаря в хозяйствах поморской модели равнялась или даже превышала стоимость скота в сельскохозяйственных типах дворов. В скотоводческо-промысловых, животноводческих и молочных моделях скот, в первую очередь производительный, занимал до 30,0% производственных фондов крестьянского двора.

При среднем районном увеличении размеров капиталов в крестьянском хозяйстве в 1925/26 г. в 1,1 раза пригородные дворы имели несколько больший размер фонда накопления. Но в целом фонд накоплений был крайне незначителен, составляя в 1925/26 г. около 84,5 червонных руб. на хозяйство. В 1926/27 г. капитал по всем моделям хозяйств сократился вследствие изношенности построек и инвентаря, недорода сена и соломы, который привел к сокращению скота и задолженности хозяйств по приобретению сильных кормов [10. С. 79].

В конце 1920-х гг. в структуре крестьянского капитала произошли определенные подвижки, что было вызвано, с одной стороны, их общим увеличением, с другой – растущей специализацией производства. Судя по материалам гнездовой переписи 1927–1929 гг., мелкие и более крупные хозяйства имели значительную разницу как в общей сумме капиталов, так и в абсолютной стоимости отдельных их видов. Стоимость основного капитала по расчету на хозяйство у так называвшихся мелкокапиталистических

дворов в 1927 г. была в 9–19 раз больше, чем у батрацких дворов, в 1929 г. – в 5–10 раз. В сельскохозяйственных дворах среднего уровня основу капитала составляли постройки и скот (в 1927 г. – 61,4 и 35,9%, в 1929 г. – 62,2 и 34,4%), в промысловых также, но несколько в иной пропорции (в 1927 г. – 64,2 и 29,6%, в 1929 г. – 62,9 и 30,5%). Причем в промысловых дворах стоимость хозяйственных построек, равно как стоимость инвентаря, была гораздо выше [17].

При внимательном рассмотрении структуры производственных фондов крестьянских хозяйств восьми экономических районов Европейского Севера не сложно убедиться в том, что зональная градация экономических районов в основном соответствовала выявленным организационным особенностям крестьянского производства. Это, в свою очередь, убеждает в

правомерности выделения организационно-производственных моделей крестьянских хозяйств.

Независимо от модели производства в относительно крупном по меркам региона крестьянском производстве организация хозяйственных элементов обеспечивала больший эффект как в сфере оплаты занятого труда и результативности затрат рабочего времени, так и в общем уровне благосостояния.

Число таких «организационно совершенных» дворов было столь незначительно, что не они в конечном итоге определяли общий облик крестьянского производства, основу которого составляло мужицкое хозяйство среднего и пониженного уровня, трудоемкое и затратное по своей природе, а значит, весьма далекое от оптимальных параметров взаимодействия основных элементов производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Недокучаев Н.К. Полеводственные зоны и районы Севера // Сельское и лесное хозяйство Севера : материалы совещания по изучению Севера при Российской Академии наук. Пг.
2. Плетцов Н. Сельскохозяйственные районы Архангельской губернии (По материалам сел.-хоз. статистики) // Вестник Архангельской кооперации. 1922. № 8.
3. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 698. Оп. 5. Д. 8/86. Л. 44 об.
4. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 700. Оп. 1. Д. 7/51. Л. 121–122.
5. Итоги районирования С.-Двинской губернии. Великий Устюг, 1924. 156 с.
6. Кузнецов И.А. Алексей Федорович Фортунатов и становление крестьянских исследований в России в конце XIX – начале XX века // Крестьяноведение. Т. 2, № 1. С. 66–89.
7. Краткий статистический справочник по Северо-Двинской губернии на 1927 год. Великий Устюг, 1926.
8. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. Архангельск, 1926.
9. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год. Архангельск, 1927.
10. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. Архангельск, 1929.
11. Бакулин И.Н. К изучению крестьянского хозяйства в молочном районе. Вологда, 1927.
12. Гильберг И. Бюджет крестьянского хозяйства за 1923–24 год. (По обследованию 1924 года) // Экономика и статистика Карелии. № 1–3. 1925. Петрозаводск, 1926. С. 100–114.
13. Дербенев А.Г. Крестьянское хозяйство С.-Двинской губернии в 1924–25 году на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925.
14. Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. 1. Северный район. 2. Уральский район // Труды ЦСУ. Т. XXXI, вып. 1. М., 1926.
15. Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы. С приложением схематической карты губернии. Вологда : Вологод. губстатбюро, 1926.
16. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы. Архангельск : Гос. изд. Архгубстатбюро, 1925. XXXV.
17. Государственный архив Архангельской области. Ф. 187. Оп. 1. Д. 279. Л. 28–76 об.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 сентября 2017 г.

PEASANT FARMING IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920S: THE EXPERIENCE OF TYPOLOGIZATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 159–166.

DOI: 10.17223/15617793/426/20

Vasily A. Sablin, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: sablin@inbox.ru

Keywords: NEP; peasant farming; land supply; profitability; production efficiency; yard capital; labor-equity of labor; evolution of production types of households.

The aim of this article is to study the evolution of the industrial infrastructure of parcel farming in the European North of Russia (Arkhangelsk, Vologda, North-Dvinskaya guberniyas, Karelian and Komi autonomous republics) in the second half of the 1920s, and to identify the prospects for the development of the main types of peasant households. The analysis is based on the materials of the budget statistics of the peasant economy as containing the most complete information on the peasant economy. If necessary, the author supplemented his analysis with mass statistical material. The methodological dominant of the study was the epistemological positions of the Russian agrarian science of the late 19th–20th centuries, in particular, the theory of the family organization of peasant farming, which were formulated within the organizational and production line of research. By the mid-1920s, there was an erosion of the consumer-natural foundations of the economy in the region. Conditions for changing the production factors of the yard and the formation of its income, the correlation of the basic elements of the economy with capital and labor funds and the efficiency of financial investments in basic production were created. Analysis of budgetary materials provides a basis for conclusions that the economic development of the region led to the fact that in the northern regions of the guberniya agricultural income in larger amounts than it was earlier was being replaced by highly paid articles of commercial income. Agriculture in these areas was increasingly becoming an auxiliary sector that provided only the consumer budget of the family. It is only natural that, depending on the compatibility of the elements of production, the field-agrarian type of peasant farming had many modifications. The author characterizes the economic process and distinguishes: 1) the model of a developed field farm with various non-agricultural earnings; 2) the model of suburban economy with developed sales of fishery products and earnings in sawmills in Arkhangelsk; 3) the model of the seaside Pomorie economy with developed fish and sea seal hunting fisheries; 4) the model of a commercial logging yard with devel-

oped agriculture; 5) the model of a cattle-breeding yard with commercial fishing; 6) the model of a dairy farm with commercial income; 7) the model of a dairy commodity economy. Regardless of the model of production in a relatively large peasant industry by the standards of the region, the organization of economic elements provided a greater effect. However, the basis of peasant production in the region was the peasant economy of medium and low level, labor-consuming and costly in nature, and thus very far from the optimal parameters of interaction of the basic elements of production.

REFERENCES

1. Nedokuchaev, N.K. (1923) Polevodstvennyye zony i rayony Severa [Field-cropping zones and regions of the North]. In: Kovalevskiy, V.I., Liskun, E.F. & Tkachenko, M.E. (eds) *Sel'skoe i lesnoe khozyaystvo Severa: materialy soveshchaniya po izucheniyu Severa pri Rossiyskoy Akademii nauk* [Agriculture and Forestry of the North: materials of the meeting on the study of the North at the Russian Academy of Sciences]. Petrograd: Izdatel'stvo Narodnogo Komissariata Zemledeliya "Novaya Derevnya".
2. Pletsov, N. (1922) Sel'skokhozyaystvennyye rayony Arkhangel'skoy gubernii (Po materialam sel.-khoz. statistiki) [Agricultural regions of Arkhangelsk Province (based on the materials of the agricultural statistics)]. *Vestnik Arkhangel'skoy kooperatsii*. 8.
3. National Archive of the Republic of Karelia. Fund 698. List 5. File 8/86. Page 44 rev. (In Russian).
4. National Archive of the Republic of Karelia. Fund 700. List 1. File 7/51. Pages 121–122. (In Russian).
5. Mikhin, E.V. & Bachurikhin, A.I. (eds) (1924) *Itogi rayonirovaniya S.-Dvinskoy gubernii* [Results of the regionalization of the North Dvina province]. Velikiy Ustyug: Tip. Izd-stva "Sovetskaya mysl".
6. Kuznetsov, I.A. (2017) Alexei Fedorovich Fortunatov and the development of Peasant Studies in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Krest'yanedenie*. 2:1. pp. 66–89. (In Russian).
7. Sovmysl'. (1926) *Kratkiy statisticheskiy spravochnik po Severo-Dvinskoy gubernii na 1927 god* [A brief statistical guide to the North Dvina province for 1927]. Velikiy Ustyug: tip. izd. "Sovmysl".
8. Arkhangelsk Province Bureau of Statistics. (1926) *Statisticheskiy sbornik po Arkhangel'skoy gubernii za 1925 god* [Statistical collection for Arkhangelsk Province for 1925]. Arkhangel'sk: Arkhang. gubern. stat. byuro.
9. Arkhangelsk Province Bureau of Statistics. (1927) *Statisticheskiy sbornik po Arkhangel'skoy gubernii za 1926 god* [Statistical collection for Arkhangelsk Province for 1926]. Arkhangelsk: Arkhang. gubern. stat. otd.
10. Arkhangelsk Province Bureau of Statistics. (1929) *Statisticheskiy sbornik po Arkhangel'skoy gubernii za 1927 god* [Statistical collection for Arkhangelsk Province for 1927]. Arkhangelsk: Arkhang. gubern. stat. otd.
11. Bakulin, I.N. (1927) *K izucheniyu krest'yanskogo khozyaystva v molochnom rayone* [On the study of peasant farming in the dairy area]. Vologda: [s.n.].
12. Gil'bert, I. (1925) Byudzhety krest'yanskogo khozyaystva za 1923–24 god. (Po obsledovaniyu 1924 goda) [The budget of the peasant economy for 1923–24. (According to the 1924 survey)]. *Ekonomika i statistika Karelii*. 1–3. pp. 100–114.
13. Derbenev, A.G. (1925) *Krest'yanskoe khozyaystvo S.-Dvinskoy gubernii v 1924–25 godu na osnove izucheniya ego byudzheta* [The peasant economy of the North Dvina Province in 1924–25 on the basis of studying its budget]. Velikiy Ustyug: [s.n.].
14. Trudy TsSU. (1926) Krest'yanskije byudzhety 1922/23 g. i 1923/24 g. 1. Severnyy rayon. 2. Ural'skiy rayon [Peasant budgets of 1922/23 and 1923/24 1. The Northern region. 2. The Ural district]. *Trudy TsSU*. T. XXXI:1.
15. Vologda Province Bureau of Statistics. (1925) *Statisticheskiy sbornik po Vologodskoy gubernii za 1917–1924 gody. S prilozheniem skhematicheskoy karty gubernii* [Statistical collection for Vologda Province for 1917–1924. With the appendix of the schematic map of the province]. Vologda: Vologod. gubstatbyuro.
16. Arkhangelsk Province Bureau of Statistics. (1925) *Statisticheskiy sbornik po Arkhangel'skoy gubernii za 1917–1924 gody* [Statistical collection of Arkhangelsk Province for 1917–1924]. Arkhangelsk: Gos. izd. Arkhgubstatbyuro.
17. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Fund 187. List 1. File 279. Pages 28–76 rev. (In Russian).

Received: 18 September 2017